

В. И. Немирович-Данченко

Кама и Урал

(очерки и впечатления)

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 91
ББК 26.8
Н50

Н50 **Немирович-Данченко В.И.**
Кама и Урал: (очерки и впечатления) / В. И. Немирович-Данченко – М.: Книга
по Требованию, 2013. – 758 с.

ISBN 978-5-518-06866-7

ISBN 978-5-518-06866-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Лодманъ Терентій.

Жарко такъ, что капитанская собака давно растянута у рубки лапами кверху и языкъ высунула. Чуть глядѣть и то какъ-то въ полглаза! Палуба пуста. Народъ точно смело. Кто подъ тентомъ корчится на узенькихъ скамейкахъ, заваленныхъ узлами, заставленныхъ сундуками, пестрыми ветлужскими ларчиками, какимъ-то кульемъ. Кто сползъ въ трюмъ и отводитъ душу въ прохладѣ, не смущаясь сосѣдствомъ бочекъ съ нефтью и какихъ-то затѣйливыхъ посудинъ съ ворванью, кто къ матросамъ въ каюту забрался. Только двое татаръ подставляютъ солнцу свои, расшитыя золотомъ, тюбетейки, да красно-уфимскій мулла засидѣлся на кормѣ, точно наблюдая: какіе узоры бѣлой пѣны разводять на водѣ колеса быстро бѣгущаго парохода. Татаръ, видимо, проняло. Потъ такъ и льетъ, лица раскраснѣлись, глаза жмурятся. Рубаха на груди растегнулась, ноги босы. Затылки, должно быть, подъ солнцемъ накалились, какъ мѣдныя кострюли на очагѣ.

Вообще парить такъ, что даже матросы словно замерли. Едва ноги передвигаютъ, на что ужь народъ привычный.

— Жара, точно въ Якутскѣ, замѣчаетъ капитанъ.

Это высокій парень съ громадными лапищами и горломъ, кажется, только для того и созданнымъ, чтобы до смерти оглушать остальное человѣчество. Другой такой экземпляръ развѣ между архіерейскими протодьяконами найдешь. Грудь — колесомъ, глаза выкатились, точно треснуть хотятъ, борода и волосы, должно быть, гребенки не вѣдали и не вѣдаютъ. Лицо — изъ самага прочнаго выростка.

— Экъ вы хватили, — въ Якутскѣ! лѣниво замѣчаетъ кто-то.

— А вы думали Сѣверъ, Сибирь? Да тамъ лѣтомъ такое тепло, что народъ по ночамъ сѣно косить. Я тамъ двѣнадцать лѣтъ пробылъ, — мнѣ-ли не знать?

На рубкѣ подъ тентомъ попрохладнѣе; къ тому-же наверху: отъ движенія парохода вѣтромъ обвѣваетъ. А все-таки жарко.

— Чортъ этихъ дамъ носить сюда! негодуетъ капитанъ.

— А что?

— Разоблачился-бы по простотѣ души, да и только. Въ одномъ бѣльѣ — разчудесное дѣло. Вы думаете легко съ утра выстоять?

Я полагаю, что и дама, бывшая наверху, рада-бы разоблачиться. Раскисла вся, беспомощно переводитъ глаза съ одного на другого, даже пальцы врозь разставила — авось попрохладнѣй будетъ. По образу и подобию толстыхъ коровъ фараоновыхъ сложена. Изъ плеча — окорокъ выкроишь, шея — точно у здоровеннаго ребенка, вся складками, щеки — будто флюсомъ раздуло.

— Вы-бы, сударыня, внизъ сошли? убѣждаетъ ее капитанъ. — Въ каютѣ теперь чудесно.

— Душно тамъ... моченьки моей нѣтъ... Опять-же и офицеръ.

— Какой офицеръ?

— Да Богъ его знаетъ, откуда такой безстрашный появился. Пушаетъ. Только у него и разговору, что о скоропостижной кончинѣ. И то я ему графинъ водки выпила.

Такъ ее и оставили въ покоѣ.

На небѣ ни единого облачка. Серебряныя искры чаекъ тонуть въ яркой синевѣ. Волга стелется такою-же синью, по которой звѣздятся и рѣжутъ глаза солнечные блики. Устаешь смотрѣть. Соломенные кровли деревушекъ на правомъ берегу — точно золотыя стоятъ. Церкви такъ и вырѣзаются на верхушкахъ холмовъ. Зеленыя облака яблочныхъ садовъ къ самой водѣ сползли и смотрятъ въ ея прозрачную поверхность.

На перерѣзъ бѣжитъ пароходишко, — облѣзлый, ошмарканный.

— Тоже пароходомъ зовется. Поросенокъ!

— А что?

— Ни кожи, ни рожи... А капитаномъ тамъ клоунъ служить. Того и гляди — утопить.

— Кто-же опредѣлялъ такого?

— У нихъ въ обществѣ все такъ. Наборщики есть... Богомазь суздальскій, отставной трубачъ... А этотъ прежде въ циркѣ Морозова состоялъ — не понравилось, пошелъ на пароходъ капитаномъ. Тоже командуетъ! Начальство увеселяетъ. Съ рубки внизъ турманомъ порхнетъ и налету перекувырнется. А то голову между ногами просунетъ и ходитъ такъ по палубѣ. Ремесло свое забыть не

хочетъ — все хлѣбъ на случай. Кто дѣло знаетъ — прочь отъ нихъ бѣжить. Эдакаго командира навяжутъ!

— А у васъ такого нѣтъ? вступается дама.

— Клоуна-то? Господь хранилъ.

— Жаль... Я-бы посмотрѣла. Все пассажирамъ удовольствіе. У насъ мировой посредникъ одинъ — шпаги глотаетъ — первый гость! Всѣ его за это уважаютъ, а и человѣкъ-то пьяница!

Волга передъ Камой не особенно широка. Устье близко. То и дѣло на насъ надвигаются караваны съ желѣзомъ изъ Лаишева, куда оно сплавляется на ярмарку съ верховьевъ Камы. Изъ Лаишева спускаютъ желѣзо по теченію на баркахъ, которыя у устья ждуть кабестанныхъ пароходовъ, доставляющихъ вверхъ по Волгѣ эти грузы на Макарьевскую...

Вонъ одно такое громадное чудовище, съ двумя забѣжками, ползетъ прямо на насъ. Черное все, точно изъ трубы сейчасъ, грязное. Два маленькихъ пароходика-забѣжки, точно собаченки, свуютъ передъ нимъ. То одинъ завезетъ канатъ впередъ съ якоремъ. Сброситъ его — другой конецъ каната на кабестанѣ. Паровая машина, что неистова пытитъ тамъ, наматываетъ его на валъ или воротъ — надвинется, такимъ образомъ, кабестанъ на якорь; другая собаченка-забѣжка уже вытянула впередъ второй канатъ съ якоремъ... Такимъ образомъ, медленно ползетъ впередъ это черное чудовище, влача за собою десять, либо двѣнадцать пузатыхъ барокъ съ какими-то пестрыми пѣтушками на коротенькихъ штокахъ. На палубахъ барокъ сѣрый людъ толпится кучками.

— Нѣтъ бѣднѣй этого народа.

— Почему?

— А вотъ до ярмарки дойдетъ — домой пѣшкомъ, хри-

стовымъ именемъ питаюсь, вернется и, въ концѣ-концовъ, еще хозяину долженъ останется. Зимой опять хлѣбъ понадобится: коли хозяинъ не дастъ — помирай... Кабала! Самое это ремесло подлое!

Чѣмъ ближе къ устью, тѣмъ безобразныя массы кабестановъ чаще и чаще попадаются на встрѣчу. А у самаго берега — баржи съ солью привалили и стоятъ, — пароходовъ ждутъ.

— Соль-пермячка! Поди любимовская?

— Кокоревъ нонѣ тамъ орудуетъ; всѣ заводы подъ свою руку съ Губонинымъ они забрали!

— Ничего, на ярманку все свалять.

Рубка мало по малу пустѣла.

Убралась внизъ дама, напуганная офицеромъ, убрался и капитанъ, благо фэрватеръ здѣсь извѣстный.

— А это про народъ они правду говорятъ!

Оглядываюсь. Оказывается, безсловесный, до сихъ поръ, лопманъ заговорилъ.

— А что?

— Да голѣе этихъ судовщиковъ, поди, и татарскаго байгуша (нищій) не найдешь. Точно, что мрутъ.

— Что же, другого дѣла нѣтъ у нихъ?

— Какъ не бывать — есть. Сторона у нихъ заводская привольная... Да они по Чусовой живутъ!

— Такъ что-жь изъ этого.

— У нихъ такъ: кто на какой рѣкѣ осѣлъ, у того и промыселъ такой. На Чусовой — все судовщики, ну, эти и питаются отъ барки! Которые изъ нихъ настоящіе хозяева, кондовые, тѣ сами строятъ, а эти въ бурлакахъ бѣгаютъ.

— Хлѣба цѣльнаго не видятъ, замѣтилъ лопманскій ученикъ, стоявшій по другую сторону рулеваго колеса.

Я только теперь обратилъ вниманіе на нашего вожака.

Такъ-себѣ, небольшого роста, невзрачный мужиченко... Лицо сѣрое и самъ сѣрый весь... подслѣповатымъ кажется даже. Только потомъ замѣчаешь, какъ неотступно и зорко высматриваетъ онъ впередъ. На близкое разстояніе и не глядитъ — это привычка у него. Заговорите съ нимъ со стороны, онъ повернетъ къ вамъ лицо, а самъ все-таки черезъ вашу голову или мимо вдаль смотреть, куда-то въ синь, въ воздухъ. И все глаза прищурены... Большею частью молчитъ, но если и разболтается — слово само собою, а глаза и руки свое дѣло дѣлаютъ.

— На свѣтѣ нужи много! — А рука повертываетъ колесо и брови хмурятся; видимо, измѣненіе фарватера замѣтилъ.

— Не избыть ее! — Колесо въ противоположную сторону. — Кому это въ диковину, а нашему брату, рабочему человѣку, сплошь таково-то живется.

И опять прищурился прямо въ ослѣпительно-сверкающую солнечнымъ блескомъ излучину. Трудно даже уловить цвѣтъ его глазъ, хотъ и блестятъ они сквозь полусомкнутыя рѣсницы.

Ночью или днемъ — онъ одинаковъ. Волга каждый годъ мѣняетъ свой фарватеръ, Кама еще капризнѣе; а лоцманъ идетъ увѣренно, почти не ошибаясь, — тутъ нужна чуткость дикаря американскихъ пустынь. Гдѣ сегодня пароходъ прошелъ свободно, въ слѣдующій рейсъ — песчаный перевалъ подъ водой, обмелѣтъ любое судно. Лоцманъ все замѣчаетъ, по цвѣту воды, по зыби на ней, по желтоватымъ пятнамъ. Все ему сообразить надо: какіе вѣтра за это время дули, куда воду несли, сколько воды было и какъ она падаетъ. Началась мель — слѣди за ней каждый разъ: на сколько она наростетъ, въ какія сто-

роны забрасываетъ свои песчаные языки, а если косою прямо въ русло выѣхала — какъ далеко остріе этой косы легло и въ какомъ направленіи. Новое теченіе себѣ рѣка прорываетъ — никому это невѣдомо, а лоцмана не обманетъ. Дно — онъ точно ладонь свою видитъ, всѣ выпуклины, гребни, морщинки на немъ ясны ему до того, что, умѣй онъ взять въ руки карандашъ, начертить бы вамъ безошибочно. Нынче вонъ подъ берегомъ словно быстрѣе рѣка бѣжитъ — онъ уже высматриваетъ это теченіе, опредѣляетъ его предѣлы, силу... Значить къ серединѣ мель будетъ, если вода сюда такъ яро ударила. Между двумя желтоватыми пятнами на водѣ голубая лента, извилистая; слѣди за ней, это — фарватеръ. А то и вся вода синя однообразно, да подъ самымъ носомъ парохода морщинки на водѣ чего-то трепещутся. Опасность — тутъ мелко, нужно мѣнять ходъ. Знай, каковъ колоритъ въ туманные и солнечные дни! Да днемъ-то ему еще съ полагоря. А вотъ ночь придетъ, да еще безлунная, беззвѣздная... Зорко онъ оглядываетъ берега.

— Они инстинктомъ берутъ! серьезно сообщалъ мнѣ старикъ, лѣтъ сорокъ плавающій по Волгѣ. — Удивительно какъ чутье развито у нихъ. Бывали такія ночи на Камѣ: вверху и внизу чернеть хоть глазъ выколи. А мели вездѣ новыя, потому засуха, вода быстро падаетъ; самъ знаешь, что поперегъ рѣки перекаты. Что-жъ бы вы думали — ничего не задѣнетъ, цѣлъ пройдетъ.

— Терентій! ты, должно быть, чорту душу продалъ! попробовалъ было попутить пассажиръ одинъ съ нашимъ лоцманомъ.

— Экъ у тебя, точно почтовѣй колоколець, языкъ невѣстъ что мелеть!.. Развѣ можно лоцману про чорта поминать, а какъ онъ меня сомущать начнетъ? Васъ же

напорю на перекасть. Уйди ты, Христа ради. А то за капитаномъ пошлю, чтобъ онъ тебя внизъ уволокъ. Нашего дѣла не знаешь. Тутъ не во-время глазомъ мигнулъ — и пропало судно. Мелево несуразное!.. обидѣлся онъ.

— Ты думаешь, мы такъ, на-уру, полземъ? уже потомъ, успокоившись, объяснялъ онъ. — Сами глядимъ да примѣчаемъ, да постоянно у Господа Бога про себя откровенія просимъ, чтобы Онъ, всемогущій, ангела своего послалъ — народъ да хозяйскую посудину эту въ цѣлости соблюсти. Это, братъ, дѣло святое. На этотъ промыселъ идти нужно съ молитвой, а ты про чорта бухнулъ!

Прибавьте, какую память нужно имѣть лоцману, чтобы за зиму не забыть двухъ или трехсотъ опасныхъ мѣстъ, да не только самыя мѣста, но и очертанія ихъ, и береговья выпуклины, всякое угодые, по которому можно сообразить о дальности или близости опаснаго пункта. Въ большинствѣ случаевъ (по крайней мѣрѣ камскіе лоцманы) лоцманъ не грамотенъ, записывать ему некогда, да и не можетъ; все само должно уложиться въ головѣ. Какое напряженіе вниманія!

— Тутъ ничего нельзя забыть. Вонъ этотъ рубчикъ, взмахнулъ онъ головой на полоску лѣса по одному изъ береговыхъ склоновъ, — пропустилъ — и на перекасть напоролся. А въ верстѣ отсюда дерево есть, грозой его попортило, тамъ тоже мель, махонькая самая. А вонъ тамъ большой камень у воды — тоже примѣта наша.

Чуть только что-нибудь сомнительное, лоцманъ приостанавливаетъ ходъ. Пароходъ начинаетъ идти тише и тише, пока впереди матросы шестомъ мѣряютъ воду. Но вотъ дно все глубже и глубже, опасность прошла.

— Скорый ходъ! командуетъ капитанъ сквозь трубу, проведенную въ машину.

И лопманъ опять впивается въ дадь, высматривая тамъ новыя опасности.

— Наша жизнь самая скучная, самая неприглядная. Намъ лѣтомъ даже водки выпить нельзя.

— Такъ и не пьете?

— Такъ и не пьемъ. Потому — въ ней бѣсъ. Зимой за то отводимъ душу. Мы больше изъ Работокъ. Такое село на Волгѣ есть, слыхаль-ли?

— Какъ-же, былъ тамъ.

— Лѣтомъ?

— Да.

— Это что! Ты къ намъ зимой прѣзжай, тогда весело. Лѣтомъ одиѣ бабы у насъ, да малыя дѣти. Кто въ судовщикахъ, кто въ лопманахъ, кто на пароходахъ матросомъ. Всѣ врозь. А зимой съ деньгами ворочаются, зимой пиры въ Работкахъ. Баба — и та пьяная ходить.

— Неужели у васъ бабы пьютъ?

— А для ча ей не пить? Дѣвка — и та веселѣй съ вина, а баба должна съ мужемъ въ согласіи жить. Мужъ пьетъ — и она пей. А лѣтомъ намъ не разгуляться. Одно слово, женать, а по пяти мѣсяцевъ бабу свою не видишь.

— За то другіе теперъ около нея! пошутить кто-то. Лопманъ только умѣхнулся.

— Нѣшто она не человекъ? пояснилъ онъ немного погодя; — ей тоже требуется. Главное дѣло — зимой, чтобы хвостомъ не виляла. А лѣтомъ — сколько хопъ; мы за это не къ обидѣ, тоже люди вѣдь.

— А какъ дѣтей нанесетъ?

— Еще и того лучше, все работники въ домъ. Дѣти по матери вѣдь. Давай Богъ поболѣ такихъ батрачковъ. Выкормить у насъ есть чѣмъ, хватить, а вырастетъ —

насъ кормить станеть. На это мы добры. У насъ бабѣ лѣтомъ слободно. Въ Работкахъ бабу за ехидство бьютъ, ну а за это — николи.

— А безъ битья нельзя?

— Обычай такой держится. И то хорошіе хозяева не бьютъ. А которые бѣдные, тѣмъ одна утѣха.

Терентій съ собою постоянно таскаетъ сына.

— Къ своему ремеслу приучаю.

Я присматривался къ этому приучиванью — и не разъ изумлялся. Дѣло въ томъ, что отецъ ничего не объясняетъ мальчику. Тотъ только по-собачьи въ глаза смотритъ Терентію, да когда лоцманъ повернетъ колесо, мальчуганъ слѣдитъ, на что въ данную минуту обращено вниманіе отца. Берега примѣчаетъ, запоминаетъ ихъ очертанія, съ рѣкою роднится.

— Само ему въ голову вложится. Разовъ сотню пройдетъ — и готовъ лоцманъ.

Оно такъ и выходитъ, — само вкладывается.

Лоцманъ превосходно знаетъ все, что находится у самаго берега. Деревушка ли высыпала къ водѣ, хуторъ ли чей, заводъ или просто лѣсная усадьба. Онъ и назоветъ вамъ ихъ, и оцѣнитъ, и расскажетъ. Но чуть подальше отъ берега, хотя оно и на виду, — его не спрашивайте, навѣрное не знаетъ. Такъ напримѣръ, мерещутся у «край-воды» двѣ избенки, — соломенные кровли, лодка на песчаную понизь вытащена, даже дворовъ нѣтъ.

— Вонъ онъ Мальчухинскій поселокъ стоитъ! Рыбкой народъ промышляетъ, стерлядей ловятъ... Бѣдно живутъ.

— А это что, спустя нѣсколько минутъ, указываю я на сверкающее главами многочисленныхъ церквей своихъ большое село, верстахъ въ шести отъ берега.